

УДК 327.8

Скляров С. А.*Московский государственный институт международных отношений (университет)**Министерства иностранных дел Российской Федерации**119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть возможные варианты идеологических концепций в качестве государственной идеологии современной Российской Федерации и сравнить их внешнеполитический потенциал.

Процедуры и методы. В работе использованы методы сравнительного, исторического и политического анализа.

Результаты. По результатам анализа делается вывод, что ни одна из использовавшихся в последние десятилетия идеологических концепций в их широком и узком понимании не способна стать столь же значимым инструментом во внешней политике России, каким во времена СССР была коммунистическая идеология. У рассмотренных идеологических концепций либо слишком узкая целевая аудитория стран, на которые их можно ориентировать, либо они слишком широко распространены в мире и международное сообщество не признаёт за Россией первенства и ведущей роли в их реализации, либо они слишком противоречивы и имеют низкую потенциальную привлекательность для других государств.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в качестве аргументов в непрекращающемся в научных и политических кругах споре между сторонниками и противниками внедрения в России государственной идеологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная идеология, идеологическая концепция, внешнеполитические ресурсы государства, коммунизм, русский мир, евразийство, западная демократия, российский империализм, православие, антиамериканизм, культ Победы

СТРУКТУРА

Введение

Подражание западной демократии

Евразийство

Русский мир

Антиамериканизм

Православие

Российский империализм

«Культ Победы» во Второй мировой и Великой Отечественной войнах

Заключение

S. Sklyarov

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation*

IDEOLOGICAL FACTOR IN RUSSIAN FOREIGN POLICY: PROBLEMS AND PROSPECTS

ABSTRACT

Aim. To examine possible variants of ideological concepts as state ideology of the modern Russian Federation and compare their foreign policy potential.

Methodology. The paper uses methods of comparative, historical and political analysis.

Results. The analysis concludes that none of the broad and narrow ideological conceptions used in recent decades is capable of becoming as significant a tool of Russia's foreign policy as the communist ideology was in Soviet times. The reviewed ideological concepts are either too narrow in their target audience, or too widespread in the world and the international community does not recognize Russia as a leader in their implementation, or they are too controversial and have low potential attractiveness for other states in the light of more pressing issues of international relations and world development.

Research implications. The results of the study may be used as an important argument in the ongoing dispute in academic and political circles between supporters and opponents of introducing state ideology in Russia.

KEYWORDS

state ideology, ideological concept, foreign policy resources of the state, communism, Russian peace, Eurasianism, Western democracy, Russian imperialism, Orthodoxy, anti-Americanism, the cult of Victory

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о целесообразности разработки и принятия Российской Федерацией государственной идеологии активно обсуждается в научном и политическом сообществе все годы после распада СССР. Существование и успехи Советского Союза невозможно представить без идеологии коммунизма, крах которой наряду с экономическими и политическими причинами привёл к распаду СССР и социалистического содружества. Не служит препятствием для развернувшейся дискуссии и установленный в Конституции РФ прямой запрет на государственную идеологию. В пар. 2 ст. 13 говорится, что в России «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» и в стране должно быть идеологическое многообразие¹.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант-Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701fb63f48c943e8175be16462 (дата обращения: 20.05.2023).

Основная дискуссия разворачивается вокруг политологического и юридического аспектов. Политологи обсуждают целесообразность разработки государственной идеологии и её возможные концептуальные варианты [15; 9; 7; 4]. При этом само понятие государственной идеологии трактуется в самых различных рамках: от узких, когда под государственной идеологией понимается ограниченный набор идеологических установок об основных задачах российского государства и лежащих в основе их выполнения культурных ценностях, например, православие [11; 2], патриотизм [1] или социальная поддержка населения [16]; до широких, подразумевающих всю совокупность атрибутов национального самосознания вплоть до мифотворчества [14; 5, с. 13]. Анализируются также состояние, популярность и перспективы тех или иных идеологических концепций в роли основы либо отдельных составных частей идеологического многообразия, на которых строится или должна базироваться внутренняя и внешняя политика России. В юридических кругах дискуссия сосредоточена главным образом на целесообразности введения государственной идеологии в современное российское законодательство, а также на правовых изменениях, которые для этого потребуются [8; 3].

В развернувшейся дискуссии практически всегда за скобками остаются внешнеполитические аспекты. Исследователи не только не анализируют международных последствий возможного утверждения в России государственной идеологии, но и не рассматривают внешнеполитических последствий приверженности в рамках идеологического многообразия той или иной идеологической линии. В связи с этим вполне уместной представляется постановка вопроса о международных последствиях и перспективах если не утверждения одной из идеологических концепций в рамках государственной идеологии, то её доминирования среди других концепций в рамках идеологического многообразия подходов. В работе анализируются накопленный опыт и потенциал ведущих идеологических концепций, которым в последние три десятилетия соответствовали те или иные шаги Российской Федерации, с точки зрения усиления или ослабления внешнеполитических инструментов страны на международной арене. Учитывая важную роль коммунистической идеологии как одного из внешнеполитических ресурсов Советского Союза, неизбежным будет сравнение различных идеологических концепций современной России с ролью коммунистической идеологии для СССР.

Предметом исследования выступают внешнеполитические последствия политики России в нескольких идеологических концепциях в широком и узком понимании этого термина: подражание западной демократии, евразийство, русский мир, антиамериканизм, православие, российский империализм, культ Победы во Второй мировой войне и в Великой Отечественной войне, создание национального русского государства. Критериями оценки перспектив следования России в том или ином идеологическом ключе взя-

ты: признание другими государствами первенства и возможного лидерства России в разработке и развитии каждой из идеологических концепций; потенциальная привлекательность той или иной концепции для других стран; потенциальная способность тех или иных концепций конкурировать с другими идеологиями в международном измерении; наличие противоречий в концепциях, снижающих их внешнеполитический потенциал.

В соответствии с этими критериями СССР был первой страной, объявившей коммунистическую идеологию государственной. Он жёстко отстаивал своё лидерство в её развитии, ведя активную борьбу с альтернативными вариантами, прежде всего троцкизмом, маоизмом и еврокоммунизмом. Потенциальной зоной охвата коммунистической идеологии был весь мир. Сочувствующих этой идеологии можно было найти в любой стране, и многие государства выбирали социалистический путь развития, признавая лидерство СССР не только в экономической и в военной сферах, но и в идеологической. Коммунистическая идеология успешно конкурировала с другими идеологическими течениями глобального масштаба: либеральной демократией западного толка, фашизмом, социал-демократией, исламизмом, национализмом отдельных стран и народов. Закат коммунистической идеологии в качестве популярного мирового течения наступил одновременно с экономическим и политическим упадком СССР и связанных с ним стран. Альтернативные советскому варианты коммунистической идеологии не приобрели характера столь же влиятельных мировых течений, будь то маоизм или еврокоммунизм.

Рассмотрим теперь соответствие указанным критериям идеологических течений, которые в настоящее время могли бы претендовать либо в недавнем прошлом претендовали на роль если не государственной идеологии, то ведущего идеологического течения в политике Российской Федерации.

ПОДРАЖАНИЕ ЗАПАДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Практически все 1990-е гг. доминирующей идеологической концепцией во внешней и внутренней политике России была концепция построения демократии западного типа. Потенциал этой концепции, учитывая, что придерживающиеся её страны победили в биполярном противостоянии СССР и его союзников, был ничуть не меньше потенциала коммунистической идеологии для Советского Союза. Зоной распространения был весь мир. Отдельным аналитикам того периода вообще казалось, что после краха коммунистической идеологии, СССР и социалистического блока у демократии западного образца не осталось глобальных конкурентов, человеческая цивилизация подошла к социальной вершине своего развития и наступил конец истории [12].

Эта идеологическая концепция в 1990-е гг. не смогла стать столь же весомым внешнеполитическим ресурсом для России, каким для Советского Союза была идеология коммунизма. Российскую Федерацию нигде в мире не рассматривали как родоначальника и лидера западной демократии. Она представляла скорее в роли ученика, который пытался перенять у некогда враждебных Советскому Союзу стран их ведущую идеологию. Наряду с Россией только на постсоветском пространстве и в Европе в роли подобных «учеников» выступали ещё более двух десятков стран, которые также стремились сменить коммунистическую идеологию на победившую западную демократию. Россия на фоне многих из них зачастую выглядела в роли аутсайдера, на территории которого не только медленно и более болезненно реализовывались экономические и политические реформы, падал уровень жизни населения, но и разворачивались этнические конфликты. Произошедший в 2000-е гг. отход России от идеологической концепции западной демократии только укрепил за ней имидж не справившегося с заданием ученика.

ЕВРАЗИЙСТВО

Параллельно с попытками следовать идеям западной демократии в политике Российской Федерации все годы её независимости можно проследить вектор, совпадающий с идеями построения на большей части бывшего СССР особого культурно-политического и социально-экономического пространства, впитавшего в себя особенности культуры Европы и Азии, но в то же время не ставшего образцом цивилизации сугубо азиатского или сугубо европейского типа. Несмотря на давнюю историю этой идеологии впервые её как работоспособную политическую концепцию для постсоветского пространства наиболее чётко сформулировал и отразил в своих политических выступлениях Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев². Проявлениями следования этой идеологической концепции можно считать активное участие России в различных постсоветских интеграционных объединениях. В частности, СНГ, ЕвразЭС, ЕАЭС, в определённой мере ОДКБ и ШОС.

Российская Федерация является фактическим лидером этих интеграционных объединений. Исключение составляет только ШОС, которую в последние десятилетия ввиду усиливающегося неравенства экономических и политических потенциалов её членов имеется всё больше оснований считать организацией, функционирующей по формуле «Китай и его друзья». Не во всех вопросах России удаётся сохранять лидерство в развитии идей евразийства. В частности, реализация идеи китайского руководства о создании на основе экономического партнёрства Шёлкового пути «большого евразийского пространства», которое бы включало в себя не только постсоветское

² Назарбаев Н. А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. 498 с.

пространство и отдельные страны Азии, но ещё и страны Европы, в том числе Евросоюза [18; 13], ввиду более сильного экономического потенциала Евросоюза и КНР, а также наличия альтернативных российским географическим путей реализации программы «Один пояс, один путь» не позволяет России рассчитывать на роль лидера.

Если гипотетически смириться с ролью младшего или равноправного партнёра в рамках китайской версии евразийства, потенциал выгод от следования этой идеологической концепции окажется меньшим, чем давало СССР следование коммунистической идеологии. Потенциальная зона охвата этой идеологии – не весь мир, как у коммунизма или западной демократии, а только географический континент Евразия. Для КНР и Евросоюза идеологическая концепция евразийства находится далеко не на первом месте в числе их идеологических приоритетов, безоговорочно уступая первенство современному варианту маоизма и европейской демократии. В этих обстоятельствах Россия не может рассчитывать на то, что в случае следования ею китайской концепции строительства «большого евразийского пространства» КНР и Евросоюз встанут на её сторону по идеологическим и политическим мотивам, примером чему служит их реакция на СВО.

Не лучше обстоят дела и в случае следования идеологической концепции евразийства в узком постсоветском варианте, сформулированном Н. Назарбаевым. Исключая участие Евросоюза и КНР, это пространство охватывает только 12 стран без учёта непризнанных и частично признанных государств с населением менее 270 млн человек, из которых более 140 млн – население РФ. Экономический потенциал этого пространства составляет всего около 3% мировой экономики, при этом большая его часть также приходится на Россию. Т. е. изначально речь идёт об узколокальной идеологической концепции, которая даже теоретически не может играть ту же роль, что выполняла для СССР глобальная коммунистическая идеология.

Снижает потенциал этой идеологии для России и стран, которые готовы разделять концепцию евразийства в постсоветском формате (пусть в качестве даже периферийной), её фактический кризис на фоне национального эгоизма постсоветских стран, включая Россию. Проявления этого кризиса отражаются в многочисленных проблемах взаимоотношений стран внутри СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, в межнациональных и межгосударственных конфликтах на постсоветском пространстве (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Крым, Донбасс). Зачастую идеологическая концепция евразийства проигрывает на постсоветском пространстве другим более привлекательным концепциям как в широком, так и в узком их понимании: западной демократии, страновому национализму, пантюркизму, радикальному исламу (борьба с ним во многих постсоветских странах ведётся, скорее, путём силового подавления, а не на идеологическом уровне).

РУССКИЙ МИР

Ещё более узкие рамки и перспективы быть использованной в качестве действенного внешнеполитического ресурса для России носит концепция «русского мира». В своём широком варианте, выходящем за рамки узкого русского национализма, эта концепция направлена на политическое и культурное объединение русскоязычных граждан разных стран независимо от их национальности. Активные проявления следования Российской Федерации этой концепции можно наблюдать с 10-х гг. XXI в. Зона её охвата – исключительно территория бывшего СССР. Фактически с помощью этого инструмента можно влиять на политику постсоветских стран с населением около 280 млн человек, включая саму Россию. Москва – безусловный лидер в формировании и развитии этой идеологической концепции.

Однако у концепции «русского мира» много противников на постсоветском пространстве. В том числе на уровне государств с высокой долей русскоязычного населения, видящих в ней угрозу для собственного суверенитета и территориальной целостности. Нельзя также не учитывать сужения потенциального ареала для реализации идей «русского мира». Доля русского и русскоязычного населения на всей территории бывшего СССР, включая Россию³, постоянно сокращается. С течением времени позиции русского языка практически на всей территории постсоветского пространства, кроме России и, возможно, Белоруссии, ослабевают; он теряет статус государственного языка, языка межнационального общения, сокращается его преподавание в школах и вузах, в СМИ и информационном пространстве в целом. Из-за «размывания» потенциального ареала концепция «русского мира» в последние десятилетия утратила роль важного внешнеполитического инструмента в отношении Литвы, Туркменистана, Грузии. Для стран Центральной Азии, Армении и Азербайджана в условиях минимальной численности русской и русскоязычной общин эта концепция может применяться только в той степени, в которой она привлекательна для них в вопросах гармонизации потоков трудовых мигрантов и в которой сочетается с экономической и военно-политической помощью этим государствам.

В узкой националистической трактовке идея «русского мира» фактически может выглядеть как «Россия для русских». Во внешнеполитических аспектах в ней вряд ли можно найти что-то привлекательное для других

³ В России концепция «русского мира» в её широкой трактовке по-прежнему актуальна, так как позволяет не только сохранять единое культурное пространство в многонациональной стране, но и адаптировать миллионы трудовых мигрантов из других государств, что особенно важно в условиях фактического замещения коренного населения, учитывая, что из-за депопуляции количество представителей титульной нации постоянно сокращается не только в абсолютных – 111 млн в 2010 г. против 115,9 млн в 2002 г., но и в относительных цифрах: соответственно 77,71% против 79,83% от численности населения (см.: Всероссийская перепись населения-2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.05.2023)).

стран. Более того, она крайне разрушительна для России как многонационального государства во внутренней политике.

АНТИАМЕРИКАНИЗМ

Противостояние глобалистской политике США – популярная идея во всём мире. Только нигде эта идеологическая доктрина не является основной идеологической концепцией. Скорее, это – один из важных идеологических постулатов в политике многих государств, недовольных попытками Вашингтона навязать им американские образцы демократии и союзнических отношений, строящихся на безусловном лидерстве США, нередко в ущерб узким интересам отдельных стран или правящих в них режимов. Потенциальная зона охвата этого идеологического постулата – весь мир.

В последние десятилетия антиамериканизм входит в идеологические доктрины так называемых стран-изгоев: КНДР, Кубы, Сирии, Ирана. США и европейской демократии противостоят радикальные исламистские и оппортунистические течения. Помимо стран-изгоев и различных радикалов элементы антиамериканизма встречаются в политике и идеологии вполне уважаемых стран от Латинской Америки до Европы. Крупнейшим идеологическим противником США выступает КНР, соперничающая с ними в глобальном масштабе в экономической и военно-политической сферах. России достаточно легко находить союзников во всём мире, не согласных со стремлением США к глобальному контролю и превосходству.

Однако вряд ли кто-то в мире всерьёз считает Россию главным идеологом и движущей силой антиамериканизма. В силу своей распространённости в мире эта идея не воспринимается как российская. Скорее, Россия пытается разыграть антиамериканскую карту в попытке найти альтернативу изоляции, в которой она могла оказаться после 2014 и 2022 гг. Следует также учитывать, что «дружба против США» не только несёт поддержку других стран, часто весьма ограниченную, но и имеет отрицательный эффект. США и их союзники ожидаемо враждебно относятся к странам, пытающимся оспорить лидирующие позиции Вашингтона и «американские ценности» во внутренней и внешней политике.

ПРАВОСЛАВИЕ

В 1990-е – 2000-е гг. в идеологической жизни России произошло укрепление позиций православия. Несмотря на то, что страна сохранила светскую форму устройства, ещё недавно позиционировавшие себя в качестве убеждённых атеистов российские государственные деятели разных уровней стали демонстрировать свою приверженность православию: посещать праздничные церковные службы, осуществлять возврат Русской православ-

ной церкви храмов, отобранных во времена СССР, поощрять строительство новых церквей; осуществлять поездки по святым для православных верующих местам, включая монастыри на горе Афон, лоббировать выделение для РПЦ различных торговых и экономических льгот, вплоть до беспошлинной торговли алкоголем и табаком и т. п. Православие на законодательном уровне признано одной из четырёх традиционных конфессий России⁴. Основы православной культуры входят в программу обучения многих светских школ.

Потенциал привлекательности на международной арене использования такой идеологии в качестве одной из доминирующих на государственном уровне ограничен странами с доминированием или высокой долей православного населения. К их числу можно отнести ряд стран постсоветского пространства: Украину, Белоруссию, Молдавию, Эстонию, Латвию, Грузию и частично Казахстан. К ним можно также добавить Болгарию, Грецию, Кипр, Румынию, Сербию, Черногорию, Северную Македонию, Боснию и Герцеговину. С учётом непризнанных и частично признанных государств зона «симпатий» охватывает страны с населением примерно 250 млн человек, включая Россию. При этом не все жители этих стран относят себя к православным и сочувствуют усилению роли православия в государстве, в том числе и в России. Кроме того, развернувшееся ещё в 1990-е гг. противостояние между Константинопольским и Московским патриархатами за лидерство в мировом православии, вылившееся в 2018 г. в фактический раскол после признания Константинопольским патриархом Православной церкви Украины (ПЦУ) с наделением её автокефалией и неприятие этого факта РПЦ, а также противостояние среди православных Черногории, Эстонии, Северной Македонии и Молдовы относительно того, в состав какой из действующих на их территории православных церквей они должны входить, оставляют мало шансов на единство и обоюдные симпатии в и так достаточно узком православном мире. Особые симпатии к РПЦ и борьба с её конкурентами внутри России дают почву отдельным странам обвинять российские власти в нарушении свободы вероисповедания⁵.

РОССИЙСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Идеология строительства сильного российского государства, готового к приращению соседних земель и культивированию в различных частях мира с помощью военной силы и экономических влияний режимов-сателлитов, не

⁴ Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218 (дата обращения: 20.05.2023).

⁵ Госдеп США внес Россию в черный список по свободе вероисповедания – наряду с Ираном, Пакистаном и Эритреей // Росбалт: [сайт]. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2021/11/17/1931443.html> (дата обращения: 20.05.2023).

выходит за рамки традиционных для большей части XX в. и предыдущих эпох представлений об империализме как высшей форме существования успешных национальных государств. В отличие от XIX – середины XX вв., когда этой идеологии придерживались ведущие мировые державы, в настоящее время она не даёт столь же значимого эффекта во внешней политике. Скорее, наоборот, вызывает осуждение на международном уровне как со стороны стран западной демократии, так и со стороны многих слабых государств (независимо от их ведущей идеологии), которым в условиях империализма была бы уготована роль жертвы, а не сильной империи.

В то же время нельзя совсем отбрасывать значение такого идеологического ресурса и его практического военно-политического и экономического проявления в современных международных отношениях. Определённую международную привлекательность он несёт, т. к. в поддержке «сильной империи» нуждаются слабые режимы, в том числе режимы-изгои. Зоной их потенциального и фактического распространения являются не самые экономически развитые и самодостаточные государства, прежде всего страны третьего мира с населением 2,5 – 3 млрд человек.

Следует отметить, что потенциал империалистической идеологии, как и любой другой, в качестве инструмента в международных отношениях во многом зависит от экономических и военно-политических возможностей страны, взявшей её на вооружение. И если военно-политический потенциал Российской Федерации находится на одном из ведущих мест в мире, то экономический – весьма слаб, что создаёт угрозу в случае противодействия «российскому империализму» со стороны лидеров мировой экономики, способных если не разрушить, то затормозить экономику России путём введения экономических и технологических санкций. Существует также риск, по примеру СССР, в периоды экономического ослабления «не справиться» со взятыми на себя перед странами-сателлитами обязательствами, что приведёт к краху идеологической доктрины империализма, а возможно, и самой «империи».

Не стоит также сбрасывать со счетов в случае широкого использования на практике империалистической идеологии локальных геополитических поражений от отдельных стран, во внешнеполитических доктринах которых также используется империалистический компонент. По мнению отдельных исследователей, в 2020 г. Россия потерпела такое поражение от Турции в ходе войны между Азербайджаном и Арменией в Нагорном Карабахе⁶.

⁶ Макиенко К. Как Россия проиграла во второй карабахской войне // Ведомости: [сайт]. [10.11.2020]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/11/10/846462-rossiya-proigrala> (дата обращения: 20.05.2023); Турция поколебала монополию России на Кавказе – мнение // EurAsia Daily: [сайт]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/11/17/turciya-cherez-karabakh-pokolebala-monopoliju-rossii-na-kavkaze-mnenie> (дата обращения: 20.05.2023).

«КУЛЬТ ПОБЕДЫ» ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНАХ

Одним из немногих элементов, перешедших из государственной идеологической концепции СССР в современную идеологическую политику Российской Федерации, стало формирование и поддержание «культа Победы». Нельзя не отметить его важности как для внутренней, так и для внешней политики. Географический потенциал поддержания этого идеологического элемента во внешней политике достаточно широк: он охватывает не только страны антигитлеровской и антияпонской коалиций в годы Второй мировой войны, но и проигравшие страны, руководство которых вынуждено учитывать историческую вину за действия предыдущих поколений в своей текущей политике. Приоритетными направлениями развития этой идеологической линии во внешней политике России по традиции являются подчёркивание ведущей роли СССР в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии, приверженность недопущению одобрения любых проявлений фашистской идеологии или оправдания реваншистских действий различных государств, осуждение недостаточного уважения памяти погибших в ходе борьбы с фашизмом и нацизмом.

Однако есть у этой идеологической линии и серьёзные недостатки, снижающие её эффективность в качестве инструмента внешней политики. Нельзя отрицать снижение потенциала «культа Победы» в связи с фактором времени: современные проблемы международных отношений от локальных конфликтов до борьбы с изменением климата постепенно вытесняют события Второй мировой войны из числа наиболее актуальных в мировой повестке в разряд исторических. В отличие от советской и современной российской традиции в других странах роль Советского Союза в ходе Второй мировой войны не всегда воспринимается однозначно положительно. Целый ряд стран, прежде всего в Центральной и Восточной Европе, осуждают заключённый в 1939 г. между СССР и гитлеровской Германией пакт о ненападении и секретные приложения к нему о разделе Европы на сферы влияния, считая данное событие началом Второй мировой войны. Во многих странах также популярна точка зрения, заключающаяся в том, что, освободив Центральную и Восточную Европу от фашизма и нацизма, СССР по итогам Второй мировой войны навязал им прокоммунистические режимы.

Есть и более локальные противоречия «культа Победы». В последние десятилетия в странах Европы и Америки принято акцентировать победу над гитлеровской Германией и фашизмом в ущерб победе над милитаристской Японией. Прошедшее в мае 2020 г. 75-летие со дня окончания Второй мировой войны в Европе, пусть и в одиночестве из-за пандемии коронавируса, торжественно отметили лидеры практически всех европейских стран⁷, в то

⁷ Лидеры ЕС отметили 75-летие окончания Второй мировой в Европе // Евроньюс: [сайт]. URL: <https://ru.euronews.com/2020/05/08/75-anniversary-of-victory-ceremonies-alone> (дата обращения: 20.05.2023).

время как собственно окончание Второй мировой войны и победа над Японией отмечались в сентябре 2020 г. значительно скромнее⁸. Вероятно, такая разница связана с нежеланием многих стран портить отношения с Японией, в которой «культ вины» за события Второй мировой войны развит значительно меньше, чем в Германии. Кроме того, в Японии он полностью отсутствует в отношении Советского Союза. Москву, наоборот, принято винить в нарушении заключённого в 1941 г. пакта о нейтралитете, который, даже несмотря на отказ от его пролонгации, действовал до апреля 1946 г.; в нападении на Японию без объявления войны в августе 1945 г., в захвате японских территорий и в уgone на работы сотен тысяч военнопленных [6; 10; 17].

Нельзя также не указать на более высокое значение «культа Победы» в другом событии – Великой Отечественной войне – для постсоветского пространства по сравнению с дальним зарубежьем. На Парад Победы в Москве в 2023 г. прибыли только 7 лидеров стран СНГ и ни одного представителя стран дальнего зарубежья – это было расценено как большой успех, т. к. в 2021 г. Парад Победы посетил только один иностранный лидер: президент Таджикистана Э. Рахмон⁹, а в 2022 г. было решено вообще никого из иностранных лидеров не приглашать.

О снижении эффективности «культа Победы» в качестве инструмента внешней политики может свидетельствовать отмечаемое в последние десятилетия поступательное сокращение числа иностранных лидеров, посещавших Москву в годы юбилеев Победы. В 1995 г. в Москву приехали лидеры 62 стран, в 2005 – 53, в 2010 – 24, в 2020 – 9. В неюбилейные годы парад Победы в Москве практически утратил прежний международный резонанс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, все испробованные Москвой в последние десятилетия идеологические линии не способны дать тот же или сопоставимый внешнеполитический эффект, который несла для СССР коммунистическая идеология. Более того, не существует даже перспектив появления столь же влиятельной идеологии, так как у всех альтернативных вариантов при их многообразии выявлены серьёзные изъяны. Это либо слишком узкая целевая аудитория стран, на которые их можно ориентировать, либо слишком широкое распространение этих идеологий в мире и отсутствие в международном сообществе признания за Россией ведущей роли в их реализации, либо противоречивость и низкая потенциальная привлекательность в свете бо-

⁸ Скосырев В. Пекин и Москва не хотят злить Японию // Независимая газета: [сайт]. URL: https://www.ng.ru/world/2020-09-02/2_7953_japan.html (дата обращения: 20.05.2023).

⁹ Как снижалось число президентов-гостей парада Победы за 26 лет // Lentachel: [сайт]. URL: <https://lentachel.ru/news/2021/05/12/kak-snizhalos-chislo-prezidentov-gostey-parada-pobedy-v-moskve-za-26-let.html> (дата обращения: 20.05.2023).

лее актуальных проблем международных отношений и мирового развития. Надежды на создание сверхпривлекательной идеологии, способной стать для современной России столь же весомым инструментом международных отношений, каким для СССР была идеология коммунизма, – беспочвенны.

Тем не менее надеемся, что результаты проведённого исследования будут полезны в качестве аргументов в непрекращающихся в научных и политических кругах спорах между сторонниками и противниками внедрения в России государственной идеологии.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 12.07.2023

Статья размещена на сайте: 23.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева С. А., Алиева С. Т. Идея патриотического воспитания как основа российской государственной идеологии // Проблемы патриотического воспитания в современном образовательном пространстве: материалы научно-практической конференции, Махачкала, 20–21 февраля 2014 г. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2014. С. 15–22.
2. Богатырев К. А. Основные приоритеты развития государственной идеологии в России [Электронный ресурс] // Политика и общество. 2009. №7. URL: www.nbpublish.com (дата обращения: 20.05.2023).
3. Бутусова Н. В. Государственная идеология России: понятие, содержание, проблемы формирования и правового закрепления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 1. С. 4–19.
4. Власова Ю. Б. Некоторые проблемы государственной идеологии на современном этапе развития российской государственности // Юрист-Правоведъ. 2004. № 2. С. 70–72.
5. Вольтер О. В. Феномен государственной идеологии как духовно-политической основы государственной целостности России: история и современность (политологический аспект): автореферат дис. ... д-ра полит. наук. Ростов-н/Д., 2010. 55 с.
6. Гришаева Л. Е. Долгое эхо советско-японской войны 1945 г. // Дипломатическая служба. 2020. № 4. С. 18–41.
7. Егоров О. Г. Россия на перепутье: в поисках государственной идеологии // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. 2014. № 3. С. 86–90.
8. Ермолаев В. В. Нелегитимность государственной идеологии как институциональная проблема функционирования и развития организаци-

онной культуры органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2021. Т. 7. № 3. С. 127–139.

9. Кржижановская Г. Н. К вопросу о необходимости государственной идеологии // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 34–40.
10. Молодяков В. Э. Историческая память японцев // Ежегодник Японии. 2008. № 37. С. 285–301.
11. Трушков С. А. Теоретико-правовые аспекты включения положений концепции «Москва – третий Рим» в государственную идеологию современной России // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): сборник статей Всероссийской ежегодной научно-практической конференции, Киров, 01–29 апреля 2017 г. Киров: Вятский государственный университет, 2017. С. 6089–6094.
12. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2015. 259 с.
13. Цинсун В. «Евразийский момент» и конструирование нового евразийского пространства // Свободная мысль. 2017. № 1. С. 71–80.
14. Цыганкова М. М. Государственная идеология: проблемы методологии на современном этапе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 11. С. 65–70.
15. Шамахов В. А. О государственном управлении и государственной идеологии // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 8–9.
16. Юрченко В. М. Государственная идеология «Pro et contra» // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, 6–7 декабря 2019 г. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 455–456.
17. Чугров С. В. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 22–45.
18. Мірошніченко Т. М. Напрями інтеграційної діяльності країн ШОС // Бізнесінформ. 2019. № 3. С. 32–36.

REFERENCES

1. Alieva S. A., Alieva S. T. [The idea of patriotic education as the basis of the Russian state ideology]. In: *Problemy patrioticheskogo vospitaniya v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, Makhachkala, 20–21 fevralya 2014 g.* [Problems of patriotic education in the modern educational space: materials of the scientific and practical conference, Makhachkala, February 20–21, 2014]. Makhachkala, Dagestanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2014, pp. 15–22.
2. Bogatyrev K. A. [The main priorities of development of the state ideology in Russia]. In: *Politika i obshchestvo* [Politics and society], 2009, no. 7. Available at: www.nbpublish.com (accessed: 20.05.2023).

3. Butusova N. V. [State ideology of Russia: the concept, content, problems of formation and legal consolidation]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2006, no. 1, pp. 4–19.
4. Vlasova Yu. B. [Some problems of state ideology at the present stage of development of Russian statehood]. In: *Yurist-Pravoved* [Lawyer-Jurist], 2004, no. 2, pp. 70–72.
5. Voltaire O. V. *Fenomen gosudarstvennoi ideologii kak dukhovno-politicheskoi osnovy gosudarstvennoi tselostnosti Rossii: istoriya i sovremennost' (politologicheskii aspekt): avtoreferat dis. ... d-ra polit. nauk* [The phenomenon of state ideology as the spiritual and political basis of the state integrity of Russia: history and modernity (political science aspect): abstract of Dr. Sci. thesis in Political Sciences]. Rostov-on-Don, 2010. 55 p.
6. Grishaeva L. E. [Long echo of the Soviet-Japanese war 1945]. In: *Diplomacheskaya sluzhba* [Diplomatic Service], 2020, no. 4, pp. 18–41.
7. Egorov O. G. [Russia at the Crossroads: in Search of a state Ideology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta* [Bulletin of the Moscow State Humanitarian and Economic Institute], 2014, no. 3, pp. 86–90.
8. Ermolaev V. V. [Inlegality of state ideology as an institutional problem of functioning and development of the organizational culture of internal affairs]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya* [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 127–139.
9. Krizhanovskaya G. N. [To the question of necessity state ideology]. In: *Mir politiki i sociologii* [World of politics and sociology], 2019, no. 9, pp. 34–40.
10. Molodyakov V. E. [Historical memory of the Japanese]. In: *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 2008, no. 37, pp. 285–301.
11. Trushkov S. A. [Theoretical and legal aspects of the inclusion of the provisions of the concept “Moscow – the third Rome” in the state ideology of modern Russia]. In: *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2017): sbornik statei Vserossiiskoi ezhegodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kirov, 01–29 aprelya 2017 g.* [Society. The science. Innovations (NPK-2017): collection of articles of the All-Russian annual scientific and practical conference, Kirov, April 01–29, 2017]. Kirov, Vyatka State University Publ., 2017, pp. 6089–6094.
12. Fukuyama F. The end of history and the last man (Rus. ed.: Levin M. B., transl. *Konets istorii i poslednii chelovek*. Moscow, AST Publ., 2015. 259 p.).
13. Qingsun V. [“The Eurasian moment” and the construction of a new Eurasian space]. In: *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 2017, no. 1, pp. 71–80.
14. Tsygankova M. M. [State ideology: methodology problems at the present stage]. In: *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences], 2018, no. 11, pp. 65–70.
15. Shamakhov V. A. [On public administration and state ideology]. In: *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], 2021, no. 10, pp. 8–9.

16. Yurchenko V. M. [State ideology "Pro et contra"]. In: *Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, aktory: materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 6–7 dekabrya 2019 g.* [Trajectories of political development in Russia: institutions, projects, actors: materials of the All-Russian scientific conference of the Russian Academy of Political Sciences with international participation, Moscow, December 6–7, 2019]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2019, pp. 455–456.
17. Chugrov S. V. [Rethinking the results of the World War II in contemporary Japan]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2020, no. 5, pp. 22–45.
18. Miroshnichenko T. M. [Directions of integration activities of the SCO countries]. In: *Biznesinform* [Business Inform], 2019, no. 3, pp. 32–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Скляр С. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; e-mail: redaktors@mail.ru

Sergey A. Sklyarov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: redaktors@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Скляр С. А. Идеологический фактор во внешней политике России: проблемы и перспективы // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Sklyarov S. A. Ideological factor in Russian foreign policy: problems and prospects. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru